

Константин Михайлович Станюкович

Нянька

Серия ««Морские рассказы»»

OCR & SpellCheck: Zmiy (zpdd@chat.ru), 16 декабря 2001

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136852

К.М.Станюкович. «Морские рассказы»: Издательство «Юнацтва»;

Минск; 1981

Содержание

I	6
II	8
III	14
IV	17
V	23
VI	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Константин Михайлович
Станюкович
Нянька**

Безоус Тупиков, Шурка, Мария Ивановна

I

Однажды вешним утром, когда в кронштадтских гаванях давно уже кипели работы по изготовлению судов к летнему плаванию, в столовую небольшой квартиры капитана второго ранга Василия Михайловича Лузгина вошел денщик, исполнявший обязанности лакея и повара. Звали его Иван Кокорин.

Обдергивая только что надетый поверх форменной матросской рубахи засаленный черный сюртук, Иван доложил своим мягким, вкрадчивым тенорком:

– Новый денщик явился, барыня. Барин из экипажа приехали.

Барыня, молодая видная блондинка с большими серыми глазами, сидела за самоваром, в голубом капоте, в маленьком чепце на голове, прикрывавшем неубранные, завязанные в узел светло-русые волосы, и пила кофе. Рядом с ней, на высоком стульчике, лениво отхлебывал молоко, болтая ногами, черноглазый мальчик лет семи или восьми, в красной рубашке с золотым позументом. Сзади стояла, держа грудного ребенка на руках, молодая худощавая робкая девушка, босая и в затасканном ситцевом платье. Ее все звали Анюткой. Она была единственной крепостной Лузгиной, отданной ей в числе приданого еще подростком.

– Ты, Иван, знаешь этого денщика? – спросила барыня,

поднимая голову.

– Не знаю, барыня.

– А как он на вид?

– Как есть грубая матросня! Безо всякого обращения, барыня! – отвечал Иван, презрительно выпячивая свои толстые, сочные губы.

Сам он вовсе не походил на матроса.

Полнотелый, гладкий и румяный, с рыжеватыми намасленными волосами, с веснушчатым, гладко выбритым лицом человека лет тридцати пяти и с маленькими, заплывшими глазками, он и наружным своим видом и некоторою развязностью манер напоминал собою скорее дворового, привыкшего жить около господ.

Он с первого же года службы попал в денщики и с тех пор постоянно находился на берегу, ни разу не ходивши в море.

У Лузгиных он жил в денщиках вот уже три года и, несмотря на требовательность барыни, умел угождать ей.

– А не заметно, что он пьяница? – снова спросила барыня, не любившая пьяных денщиков.

– Не оказывает будто по личности, а кто его знает? Да вот сами изволите осмотреть и допросить денщика, барыня, – прибавил Иван.

– Ну, пошли его сюда.

Иван вышел, бросив на Анютку быстрый нежный взгляд. Анютка сердито повела бровями.

II

В дверях показался коренастый, маленького роста, чернявый матрос с медною серьгою в ухе. На вид ему было лет пятьдесят. Застегнутый в мундир, высокий воротник которого резал его красно-бурую шею, он казался неуклюжим и весьма неказистым. Переступив осторожно через порог, матрос вытянулся как следует перед начальством, вытаращил на барыню слегка глаза и замер в неподвижной позе, держа по швам здоровенные волосатые руки, жилистые и черные от впитавшейся смолы.

На правой руке недоставало двух пальцев.

Этот черный, как жук, матрос с грубыми чертами некрасивого, рябоватого, с красной кожей лица, сильно заросшего черными как смоль баками и усами, с густыми взъерошенными бровями, которые придавали его типичной физиономии заправского марсового несколько сердитый вид, – произвел на барыню, видимо, неприятное впечатление.

«Точно лучше не мог найти», – мысленно произнесла она, досадуя, что муж выбрал такого грубого мужлана.

Она снова оглядела стоявшего неподвижно матроса и обратила внимание и на его слегка изогнутые ноги с большими, точно медвежьими, ступнями, и на отсутствие двух пальцев, и – главное – на нос, широкий мясистый нос, малиновый цвет которого внушил ей тревожные подозрения.

– Здравствуй! – произнесла, наконец, барыня недовольным, сухим тоном, и ее большие серые глаза стали строги.

– Здравия желаю, вашескобродие, – гаркнул в ответ матрос зычным баском, видимо, не сообразив размера комнаты.

– Не кричи так! – строго сказала она и оглянулась, не испугался ли ребенок. – Ты, кажется, не на улице, в комнате. Говори тише.

– Есть, вашескобродие, – значительно понижая голос, ответил матрос.

– Еще тише. Можешь говорить тише?

– Буду стараться, вашескобродие! – произнес он совсем тихо и сконфуженно, предчувствуя, что барыня будет «нудить» его.

– Как тебя зовут?

– Федосом, вашескобродие.

Барыня поморщилась, точно от зубной боли. Совсем неблагозвучное имя!

– А фамилия?

– Чижик, вашескобродие!

– Как? – переспросила барыня.

– Чижик... Федос Чижик!

И барыня и мальчуган, давно уже оставивший молоко и не спускавший любопытных и несколько испуганных глаз с этого волосатого матроса, невольно засмеялись, а Анютка фыркнула в руку, – до того фамилия эта не подходила к его наружности.

И на серьезном, напряженном лице Федоса Чижики появилась необыкновенно добродушная и приятная улыбка, которая словно подтверждала, что и сам Чижик находит свое прозвище несколько смешным.

Мальчик перехватил эту улыбку, совсем преобразившую суровое выражение лица матроса. И нахмуренные его брови, и усы, и баки не смущали больше мальчика. Он сразу почувствовал, что Чижик добрый, и он ему теперь решительно нравился. Даже и запах смолы, который шел от него, показался ему особенно приятным и значительным.

И он сказал матери:

– Возьми, мама, Чижику.

– *Taisez-vous!*¹ – заметила мать.

И, принимая серьезный вид, продолжала допрос:

– У кого ты прежде был денщиком?

– Вовсе не был в этом звании, вашескобродие.

– Никогда не был денщиком?

– Точно так, вашескобродие. По флотской части состоял.

Форменным, значит, матросом, вашескобродие...

– Зови меня просто барыней, а не своим дурацким вашескобродием.

– Слушаю, вашеско... виноват, барыня!

– И вестовым никогда не был?

– Никак нет.

– Почему же тебя теперь назначили в денщики?

---

¹ Замолчи! (франц.).

– По причине пальцев! – отвечал Федос, опуская глаза на руку, лишенную большого и указательного пальцев. – Марса-фалом оторвало прошлым летом на «конверте», на «Копчике»...

– Как муж тебя знает?

– Три лета с ими на «Копчике» служил под их командой. Это известие, казалось, несколько успокоило барыню. И она уже менее сердитым тоном спросила:

– Ты водку пьешь?

– Употребляю, барыня! – признался Федос.

– И... много ее пьешь?

– В плепорцию, барыня.

Барыня недоверчиво покачала головой.

– Но отчего же у тебя нос такой красный, а?

– Сроду такой, барыня.

– А не от водки?

– Не должно быть. Я завсегда в своем виде, ежели когда и выпью в праздник.

– Денщику пить нельзя... Совсем нельзя... Я терпеть не могу пьяниц! Слышишь? – внушительно прибавила барыня.

Федос повел несколько удивленным взглядом на барыню и промолвил, чтобы подать реплику:

– Слушаю-с!

– Помни это.

Федос дипломатически промолчал.

– Муж говорил, на какую должность тебя берут?

– Никак нет. Только приказали явиться к вам.

– Ты будешь ходить вот за этим маленьким барином, – указала барыня движением головы на мальчика. – Будешь при нем нянькой.

Федос ласково взглянул на мальчика, а мальчик на Федоса, и оба улыбнулись.

Барыня стала перечислять обязанности денщика-няньки.

Он должен будить маленького барина в восемь часов и одеть его, весь день находиться при нем безотлучно и беречь его как зеницу ока. Каждый день ходить гулять с ним... В свободное время стирать его белье...

– Ты стирать умеешь?

– Свое белье сами стираем! – отвечал Федос и подумал, что барыня, должно быть, не очень башковата, если спрашивает, умеет ли матрос стирать.

– Подробности всех твоих обязанностей я потом объясню, а теперь отвечай: понял ты, что от тебя требуется?

В глазах матроса скользнула едва заметная улыбка.

«Нетрудно, дескать, понять!» – говорила, казалось, она.

– Понял, барыня! – отвечал Федос, несколько удрученный и этим торжественным тоном, каким говорила барыня, и этими длинными объяснениями, и окончательно решил, что в барыне большого рассудка нет, коли она так зря «языком брешет».

– Ну, а детей ты любишь?..

– За что детей не любить, барыня. Известно... дитё. Что

с него взять...

– Иди на кухню теперь и подожди, пока вернется Василий Михайлович... Тогда я окончательно решу: оставляю я тебя или нет.

Находя, что матросу в мундире следует добросовестно исполнить роль понимающего муштру подчиненного, Федос по всем правилам строевой службы повернулся налево кругом, вышел из столовой и прошел на двор покурить трубочку.

III

- Ну что, Шура, тебе, кажется, понравился этот мужлан?
  - Понравился, мама. И ты его возьми.
  - Вот у папы спросим: не пьяница ли он?
  - Да ведь Чижик говорил тебе, что не пьяница.
  - Ему верить нельзя.
  - Отчего?
  - Он матрос... мужик. Ему ничего не стоит солгать.
  - А он умеет рассказывать сказки? Он будет со мной играть?
  - Верно, умеет и играть должен...
  - А вот Антон не умел и не играл со мной.
  - Антон был лентяй, пьяница и грубиян.
  - За это его и посылали в экипаж, мама?
  - Да.
  - И там секли?
  - Да, милый, чтобы его исправить.
  - А он возвращался из экипажа всегда сердитый... И со мной даже говорить не хотел...
  - Оттого, что Антон был дурной человек. Его ничем нельзя было исправить.
  - Где теперь Антон?
  - Не знаю...
- Мальчик примолк, задумавшись, и, наконец, серьезно

проговорил:

– А уж ты, мама, если меня любишь, не посылай Чижику в экипаж, чтобы его там секли, как Антона, а то и Чижик не будет рассказывать мне сказок и будет браниться, как Антон...

– Он разве смел тебя бранить?

– Подлым отродьем называл... Это, верно, что-нибудь нехорошее...

– Ишь, негодяй какой!.. Зачем же ты, Шура, не сказал мне, что он тебя так называл?

– Ты послала бы его в экипаж, а мне его жалко...

– Таких людей не стоит жалеть... И ты, Шура, не должен ничего скрывать от матери.

При разговоре об Антоне Анютка подавила вздох.

Этот молодой кудрявый Антон, дерзкий и бесшабашный, любивший выпить и тогда хвастливый и задорный, оставил в Анютке самые приятные воспоминания о тех двух месяцах, что он пробыл в няньках у барчука.

Влюбленная в молодого денщика Анютка нередко пролила слезы, когда барин, по настоянию барыни, отправлял Антона в экипаж для наказания. А это частенько случалось. И до сих пор Анютка с восторгом вспоминает, как хорошо он играл на балалайке и пел песни. И какие у него смелые глаза! Как он не спускал самой барыне, особенно когда выпьет! И Анютка втайне страдала, сознавая безнадежность своей любви. Антон не обращал на нее ни малейшего внимания и уха-

живал за соседской горничной.

Куда он милее этого барынина наушника, противного рыжего Ивана, который преследует ее своими любезностями... Тоже воображает о себе, рыжий дьявол! Проходу на кухне не дает...

В эту минуту ребенок, бывший на руках у Анятки, проснулся и залился плачем.

Анятка торопливо заходила по комнате, закачивая ребенка и напевая ему песни звонким, приятным голоском.

Ребенок не унимался. Анятка пугливо взглядывала на барыню.

– Подай его сюда, Анятка! Совсем ты не умеешь нянчить! – раздражительно крикнула молодая женщина, расстегивая белою пухлою рукой ворот капота.

Очутившись у груди матери, малютка мгновенно затих и жадно засосал, быстро перебирая губенками и весело глядя перед собою глазами, полными слез.

– Убирай со стола, да смотри, не разбей чего-нибудь.

Анятка бросилась к столу и стала убирать с бестолковой торопливостью запуганного создания.

IV

В начале первого часа, когда в порту зашабашили, из военной гавани, где вооружался «Копчик», вернулся домой Василий Михайлович Лузгин, довольно полный, представительный брюнет, лет сорока, с небольшим брюшком и лысый, в потертом рабочем сюртуке, усталый и голодный.

В момент его прихода завтрак был на столе.

Моряк звонко поцеловал жену и сына и выпил одну за другой две рюмки водки. Закусив селедкой, он набросился на бифштекс с жадностью сильно проголодавшегося человека. Еще бы! С пяти часов утра, после двух стаканов чая, он ничего не ел.

Утолив голод, он нежно взглянул на свою молодую, приодетую, пригожую жену и спросил:

– Ну что, Марусенька, понравился новый денщик?

– Разве такой денщик может понравиться?

В маленьких добродушных темных глазах Василия Михайловича мелькнуло беспокойство.

– Грубый, неотесанный какой-то... Сейчас видно, что никогда не служил в домах.

– Это точно, но зато, Маруся, он надежный человек. Я его знаю.

– И этот подозрительный нос... Он, наверное, пьяница! – настаивала жена.

– Он пьет чарку-другую, но уверяю тебя, что не пьяница, – осторожно и необыкновенно мягко возразил Лузгин.

И, зная хорошо, что Марусенька не любит, когда ей противоречат, считая это кровной обидой, он прибавил:

– Впрочем, как хочешь. Если не нравится, я приищу другого денщика.

– Где опять искать?.. Шуре не с кем гулять... Уж бог с ним... Пусть остается, поживет... Я посмотрю, какое это сокровище твой Чижик!

– Фамилия у него действительно смешная! – проговорил, смеясь, Лузгин.

– И имя самое мужицкое... Федос!

– Что ж, можно его иначе звать, как тебе угодно... Ты, право, Маруся, не раскаешься... Он честный и добросовестный человек... Какой фор-марсовой был!.. Но если ты не хочешь – отошлем Чижику... Твоя княжая воля...

Марья Ивановна и без уверений мужа знала, что влюбленный в нее простодушный и простоватый Василий Михайлович делал все, что только она хотела, и был покорнейшим ее рабом, ни разу в течение десятилетнего супружества и не помышлявшим о свержении ига своей красивой жены.

Тем не менее она нашла нужным сказать:

– Хоть мне и не нравится этот Чижик, но я оставлю его, так как ты этого хочешь.

– Но, Марусенька... Зачем?.. Если ты не хочешь...

– Я его беру! – властно произнесла Марья Ивановна.

Василию Михайловичу оставалось только благодарно взглянуть на Марусеньку, оказавшую такое внимание к его желанию. И Шурка был очень доволен, что Чижик будет его нянькой.

Нового денщика опять позвали в столовую. Он снова вытянулся у порога и без особенной радости выслушал объявление Марьи Ивановны, что она его оставляет.

Завтра же утром он переберется к ним со своими вещами. Поместится вместе с поваром.

– А сегодня в баню сходи... Отмой свои черные руки, – прибавила молодая женщина, не без брезгливости взглядывая на просмоленные, шершавые руки матроса.

– Осмелюсь доложить, враз не отмоешь... – Смола! – пояснил Федос и, как бы в подтверждение справедливости этих слов, перевел взгляд на бывшего своего командира.

«Дескать, объясни ей, коли она ничего не понимает».

– Со временем смола выйдет, Маруся... Он постарается ее вывести...

– Так точно, вашескобродие.

– И не кричи ты так, Феодосии... Уж я тебе несколько раз говорила...

– Слышишь, Чижик... Не кричи! – подтвердил Василий Михайлович.

– Слушаю, вашескобродие...

– Да смотри, Чижик, служи в денщиках так же хорошо, как служил на корвете. Береги сына.

– Есть, вашескобродие!

– И водки в рот не бери! – заметила барыня.

– Да, братец, остерегайся, – нерешительно поддакнул Василий Михайлович, чувствуя в то же время фальшь и тщету своих слов и уверенный, что Чижик при случае выпьет в меру.

– Да вот еще что, Феодосии... Слышишь, я тебя буду звать Феодосием...

– Как угодно, барыня.

– Ты разных там мерзких слов не говори, особенно при ребенке. И если на улице матросы ругаются, уводи барина.

– То-то, не ругайся, Чижик. Помни, что ты не на баке, а в комнатах!

– Не извольте сумлеваться, вашескобродие.

– И во всем слушайся барыни. Что она прикажет, то и исполняй. Не противоречь.

– Слушаю, вашескобродие...

– Боже тебя сохрани, Чижик, осмелиться нагрубить барыне. За малейшую грубость я велю тебе шкуру спустить! – строго и решительно сказал Василий Михайлович. – Понял?

– Понял, вашескобродие.

Наступило молчание.

«Слава богу, конец!» – подумал Чижик.

– Он больше тебе не нужен, Марусенька?

– Нет.

– Можешь идти, Чижик... Скажи фельдфебелю, что я

взял тебя! – проговорил Василий Михайлович добродушным тоном, словно бы минуту тому назад и не грозил спустить шкуру.

Чижи́к вышел словно из бани и, признаться, был сильно озадачен поведением бывшего своего командира.

Еще бы!

На корвете он казался орел-орлом, особенно когда стоял на мостике во время авралов или управлялся в свежую погоду, а здесь вот, при жене, совсем другой, «вроде быдто послушливого теленка». И опять же: на службе он был с матросом «добер», драл редко и с рассудком, а не зря; и этот же самый командир из-за своей «белобрысой» шкуру грозит спустить.

«Эта заноза-баба всем здесь командует!» – подумал Чижи́к не без некоторого презрительного сожаления к бывшему своему командиру.

«Ей, значит, трафь», – мысленно проговорил он.

– К нам перебираетесь, земляк? – остановил его на кухне Иван.

– То-то к вам, – довольно сухо отвечал Чижи́к, вообще не любивший денщиков и вестовых и считавший их, по сравнению с настоящими матросами, лодырями.

– Места, небось, хватит... У нас помещение просторное... Не прикажете ли цыгарку?..

– Спасибо, братец. Я – трубку... Пока что до свидания.

Дорогой в экипаж Чижи́к размышлял о том, что в денщи-

ках, да еще с такой «занозой», как Лузгиниха, будет «нудно». Да и вообще жить при господах ему не нравилось.

И он пожалел, что ему оторвало марса-фалом пальцы. Не лишишь он пальцев, был бы он по-прежнему форменным матросом до самой отставки.

– А то: «водки в рот не бери!» Скажи, пожалуйста, что выдумала бабья дурья башка! – вслух проговорил Чижик, подходя к казармам.

V

К восьми часам следующего утра Федос перебрался к Лузгиным со своими пожитками – небольшим сундучком, тюфяком, подушкой в чистой наволочке розового ситца, недавно подаренной кумой-боцманшей, и балалайкой. Сложив все это в угол кухни, он снял с себя стесняющий его мундир и, облачившись в матросскую рубаху и надевши башмаки, явился к барыне, готовый вступить в свои новые обязанности няньки.

В свободно сидевшей на нем рубахе с широким отложным воротом, открывавшим крепкую, жилистую шею, и в просторных штанах Федос имел совсем другой – непринужденный и даже не лишенный некоторой своеобразной приятности – вид лихого, бывалого матроса, сумеющего найтись при всяких обстоятельствах. Все на нем сидело ловко и производило впечатление опрятности. И пахло от него, по мнению Шурки, как-то особенно приятно: смолой и махоркой.

Барыня, внимательно оглядевшая и Федоса и его костюм, нашла, что новый денщик ничего себе, не так уже безобразен и мужиковат, как казался вчера. И выражение лица не такое суровое.

Только его темные руки все еще смущали госпожу Лузгину, и она спросила, кидая брезгливый взгляд на руки матроса:

– Ты в бане был?

– Точно так, барыня. – И, словно бы оправдываясь, прибавил: – Сразу смолы не отмыть. Никак невозможно.

– Ты все-таки чаще руки мой. Держи их чисто.

– Слушаю-с.

Затем молодая женщина, опустив глаза на парусинные башмаки Федоса, заметила строгим тоном:

– Смотри... Не вздумай еще босым показываться в комнатах. Здесь не палуба и не матросы...

– Есть, барыня.

– Ну, ступай напейся чаю... Вот тебе кусок сахара.

– Покорно благодарю! – отвечал матрос, осторожно принимая кусок, чтобы не коснуться своими пальцами белых пальцев барыни.

– Да долго не сиди на кухне. Приходи к Александру Васильевичу.

– Приходи поскорей, Чижик! – попросил и Шурка.

– Живо обернись, Александра Васильич!

С первого же дня Федос вступил с Шуркой в самые приятельские отношения.

Первым делом Шурка повел Федоса в детскую и стал показывать свои многочисленные игрушки. Некоторые из них возбудили удивление в матросе, и он рассматривал их с любопытством, чем доставил мальчику большое удовольствие. Сломанную мельницу и испорченный пароход Федос обещал починить – будут действовать.

- Ну? – недоверчиво спросил Шурка. – Ты разве сумеешь?
- То-то попробую.
- Ты и сказки умеешь, Чижик?
- И сказки умею.
- И будешь мне рассказывать?
- Отчего ж не рассказать? По времени можно и сказку.
- А я тебя, Чижик, за то любить буду...

Вместо ответа матрос ласково погладил голову мальчика шершавой рукой, улыбаясь при этом необыкновенно мягко и ясно своими глазами из-под нависших бровей.

Такая фамильярность не только не была неприятна Шурке, который слышал от матери, что не следует допускать какой-нибудь короткости с прислугой, но, напротив, еще более расположила его к Федосу.

И он проговорил, понижая голос:

- И знаешь что, Чижик?
- Что, барчук?..
- Я никогда не стану на тебя жаловаться маме...
- Зачем жаловаться?.. Небось, я не забижу ничем маленького барчука... Дитё забижать не годится. Это самый большой грех... Зверь и тот не забиждаёт щенят... Ну, а ежели, случаем, промеж нас и выйдет свара какая, – продолжал Федос, добродушно улыбаясь, – мы и сами разберемся, без маменьки... Так-то лучше, барчук... А то что кляузы заводить зря?.. Нехорошее это дело, братец ты мой, кляузы... Самое последнее дело! – прибавил матрос, свято исповедовавший

матросские традиции, воспрещающие клязузы.

Шурка согласился, что это нехорошее дело, — он и от Антона и от Анютки это слышал не раз, — и поспешил объяснить, что он даже и на Антона не жаловался, когда тот называл его «подлым отродьем», чтоб его не отправляли сечь в экипаж...

— И без того его часто посылали... Он маме грубил! И пьяный бывал! — прибавил мальчик конфиденциальным тоном.

— Вот это правильно, барчук... Совсем правильно! — почти нежно проговорил Федос и одобрительно потрепал Шурку по плечу. — Сердце-то детское умудрило пожалеть человека... Положим, этот Антон, прямо сказать, виноват... Разве можно на дите вымещать сердце?.. Дурак он во всей форме! А вы-то дуракову вину оставили безо внимания, даром что глупого возраста... Молодца, барчук!

Шурка был, видимо, польщен одобрением Чижики, хотя оно и шло вразрез с приказанием матери не скрывать от нее ничего.

А Федос осторожно присел на сундук и продолжал:

— Скажи вы тогда маменьке про эти самые Антоновы слова, отодрали бы его как Сидорову козу... Сделайте ваше одолжение!

— А что это значит?.. Какая такая коза, Чижик?..

— Скверная, барчук, коза, — усмехнулся Чижик. — Это так говорится, ежели, значит, очень долго секут матроса... Вроде как до бесчувствия...

– А тебя секли как Сидорову козу, Чижик?..

– Меня-то?.. Случалось прежде... Всяко бывало...

– И очень больно?

– Небось, несладко...

– А за что?..

– За флотскую часть... вот за что... Особенно не разбировали...

Шурка помолчал и, видимо, желая поделиться с Чижиком кое-чем небезынтересным, наконец проговорил несколько таинственно и серьезно:

– И меня секли, Чижик.

– Ишь ты, бедный... Такого маленького?

– Мама секла... И тоже было больно...

– За что ж вас-то?..

– Раз за чашку мамину... я ее разбил, а другой раз, Чижик, я мамы не слушал... Только ты, Чижик, никому не говори...

– Не бойся, милой, никому не скажу...

– Папа, тот ни разу не сек.

– И любезное дело... Зачем сечь?

– А вот Петю Голдобина – знаешь адмирала Голдобина? – так того все только папа его наказывает... И часто...

Федос неодобрительно покачал головой. Недаром и матросы не любили этого Голдобина. Форменная собака!

– А на «Копчике» папа наказывает матросов?

– Без эстого нельзя, барчук.

– И сечет?

– Случается. Однако папенька ваш добер... Его матросы любят....

– Еще бы... Он очень добрый!.. А хорошо теперь погулять бы на дворе, Чижик! – воскликнул мальчик, круто меняя разговор и взглядывая прищуренными глазами в окно, из которого лились снопы света, заливая блеском комнату.

– Что ж, погуляем... Солнышко так и играет. Веселит душу-то.

– Только надо маму спросить...

– Знамо, надо отпроситься... Без начальства и нас не пускают!

– Верно, пустит?

– Надо быть, пустит!

Шурка убежал и, вернувшись через минуту, весело воскликнул:

– Мама пустила! Только велела теплое пальто надеть и потом ей показаться. Одень меня, Чижик!.. Вот пальто висит... Там и шапка и шарф на шею...

– Ну ж и одежи на вас, барчук... Ровно в мороз! – усмехнулся Федос, одевая мальчика.

– И я говорю, что жарко.

– То-то жарко будет...

– Мама не позволяет другого пальто... Уж я просил... Ну, идем к маме!

Марья Ивановна осмотрела Шурку и, обращаясь к Федосу, проговорила:

– Смотри, береги барина... Чтоб не упал да не ушибся!

«Как доглядишь? И что за беда, коли мальчонка упадет?»

– подумал Федос, совсем не одобрявший барыню за ее праздные слова, и официально-почтительно ответил:

– Слушаю-с!

– Ну, идите...

Оба довольные, они ушли из спальни, сопровождаемые завистливым взглядом Анютки, нянчившей ребенка.

– Один секунд обождите меня в коридоре, барчук... Я только переобуюсь.

Федос сбегал в комнату за кухней, переобулся в сапоги, взял бушлат и фуражку, и они вышли на большой двор, в глубине которого был сад с зеленеющими почками на оголенных деревьях.

VI

На дворе было славно.

Вешнее солнышко приветливо глядело с голубого неба, по которому двигались перистые белоснежные облачка, и пригревало изрядно. В воздухе, полном бодрящей остроты, пахло свежестью, навозом и, благодаря соседству казарм, кислыми щами и черным хлебом. Вода капала с крыш, блестела в колдобинках и пробивала канавки на обнаженной, испускавшей пар земле с едва пробившейся травкой. Все на дворе словно трепетало жизнью.

У сарая бродили, весело кудахтая, куры, и неугомонный пестрый петух с важным, деловым видом шагал по двору, отыскивая зерна и угощая ими своих подруг. У колдобин гоготали утки. Стайка воробьев то и дело слетала из сада на двор и прыгала, чирикая и ссорясь друг с другом. Голуби разгуливали по крыше сарая, расправляли на солнце сизые перья и ворковали о чем-то. На самом припеке, у водовозной бочки, дремала большая рыжая дворняга и по временам щелкала зубами, ловя блох.

– Прелесть, Чижик! – воскликнул полный радости жизни Шурка и, словно пущенный на волю жеребенок, бросился со всех ног через двор к сараю, вспугивая воробьев и кур, которые удирали во все лопатки и отчаянным кудахтаньем заставили петуха остановиться и в недоумении поднять ногу.

– То-то хорошо! – промолвил матрос.

И он присел на опрокинутом бочонке у сарая, вынул из кармана маленькую трубчонку и кисет с табаком, набил трубочку, придавил мелкую махорку корявым большим пальцем и, закурив, затянулся с видимым наслаждением, оглядывая весь двор – и кур, и уток, и собаку, и травку, и ручейки – тем проникновенным, любовным взглядом, каким могут только смотреть люди, любящие и природу и животных.

– Осторожней, барчук!.. Не попадите в ямку... Ишь, воды-то... Утке и лестно...

Шурке скоро надоело бегать, и он присел к Федосу. Мальчика словно тянуло к нему.

Они почти целый день пробыли на дворе – только ходили завтракать да обедать в дом, и в эти часы Федос обнаружил такое обилие знаний, умел так все объяснить и насчет кур, и насчет уток, и насчет барашков на небе, что Шурка решительно пришел в восторженное удивление и проникся каким-то благоговейным уважением к такому богатству сведений своего пестуна и только удивлялся, откуда это Чижик все знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.